

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (17)

2024

А. Ю. Митрофанов

Борьба за комниновское наследство в свете историософии С. С. Аверинцева: к вопросу о роли монголов в восстановлении Византии в 1261 г.

УДК 94(495)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_76

EDN VAIRIQ

Аннотация: Статья А. Ю. Митрофанова посвящена развитию тезиса С. С. Аверинцева о культурном универсализме Константинополя и предлагает исследование отношений государств, появившихся на развалинах Византии после 1204 г., с монгольскими завоевателями. А. Ю. Митрофанов приходит к выводу о том, что разгром Батыем войск латинского императора Балдуина II де Куртене в 1242 г. предопределил не только усиление Никейской империи, но также последующие союзнические отношения никейских и трапезундских императоров с монголами. Это обстоятельство повлияло на победу Никейской империи в борьбе за комниновское наследство.

Ключевые слова: С. С. Аверинцев, Константинополь, комниновское наследство, крестоносцы, монголы, Никейская империя, Латинская империя, Трапезундская империя, Монгольская империя.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Борьба за комниновское наследство в свете историософии С. С. Аверинцева: к вопросу о роли монголов в восстановлении Византии в 1261 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 2 (17). С. 76–89.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (17)

2024

Andrey Yu. Mitrofanov

The Struggle for the Komnenian Inheritance in the Light of S. S. Averintsev's Historiosophy: on the Role of the Mongols in the Restoration of Byzantium in 1261

UDC 94(495)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_76
EDN VAIRIQ

Abstract: The article of A. Yu. Mitrofanov is devoted to the development of S. S. Averintsev's thesis about the cultural universalism of Constantinople and offers a study of the relations of the states, which appeared on the ruins of Byzantium after 1204 with the Mongol conquerors. A. Yu. Mitrofanov concludes that Batu's defeat of the troops of the Latin Emperor Baldwin II de Courtenay in 1242 predetermined not only the strengthening of the Nicene Empire, but also the subsequent allied relations of the Nicene and Trebizond Emperors with the Mongols. This circumstance influenced the victory of the Nicene Empire in the struggle for the Komnenian inheritance.

Keywords: S. S. Averintsev, Constantinople, Komnenian inheritance, Crusaders, Mongols, Nicene Empire, Latin Empire, Trebizond Empire, Mongol Empire.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Arts, and Archaeology at the Catholic University of Louvain, Professor at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Full Member of T.V. Barsov Society for the Study of Canon Law (Barsov Society) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. The Struggle for the Komnenian Inheritance in the Light of S. S. Averintsev's Historiosophy: on the Role of the Mongols in the Restoration of Byzantium in 1261. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 2 (17), pp. 76–89.

С. С. Аверинцев в одной из своих статей, посвященных сопоставлению византийской и русской культуры, дал очень точную и емкую характеристику Константинополя в период т.н. македонского возрождения как столицы Византийской империи и духовного центра средневекового христианского мира. Ученый писал: «В X веке столица на Босфоре, без всякого сомнения и сравнения, была самым великолепным городом и самым блистательным культурным центром во всем христианском мире. „О Константинополе мечтали среди холодных туманов Норвегии, на берегах русских рек, в крепких замках Запада, в банках жадной Венеции“ (В. Н. Лазарев). Пройдут по меньшей мере два столетия, прежде чем на Западе появятся культурные центры, способные с ним соперничать»¹. Но вот прошли два столетия, и в апреле 1204 г. Константинополь был завоеван крестоносцами — участниками Четвертого крестового похода. Византийская империя распалась, а на ее руинах появилась Латинская империя и конгломерат греческих государств, каждое из которых боролось за наследство Восточного Рима. Именно в эту трагическую эпоху, по верному выражению С. С. Аверинцева, стало фактом народного сознания окончательное разделение церквей, точнее же — отпадение папского Рима от Православной Церкви. Завоевание Константинополя крестоносцами во многом способствовало тому, что на Западе появились культурные центры, способные соперничать с древним Константинополем, ибо крестоносцы безжалостно разграбили великий город и вывезли несметные сокровища в западноевропейские столицы: прежде всего в Венецию, затем в Париж, о чем оставил краткое упоминание даже далекий от современной политики немецкий миннезингер Вольфрам фон Эшенбах (1175/80–1220) на страницах своего рыцарского романа «Парцифаль». Вольфрам упоминает в краткой ремарке, пересказывая диалог Гавана с хозяином шатра, о том, что в прежние времена, когда Греция еще не подверглась разорению, византийский император своими богатствами превзошел бы хозяина шатра, даже если бы к богатствам последнего прибавили сокровища Багдадского халифа и армянского католикоса Хромклы². Богатства Византии рассматривались крестоносцами как критерий величия и всемогущества. Венецианские галеоны, трюмы которых были набиты античной скульптурой, старинными иконами, золотыми солидами и предметами роскоши, в течение многих лет бороздили воды Эгейского моря и напоминали обоз «Великой армии» Наполеона Бонапарта, вывозивший в октябре 1812 г. награбленное из Москвы. Казалось бы, с древней Византией было покончено навсегда. Но как часто бывало в человеческой истории, Провидение сулило иначе, и судьба основанной крестоносцами Латинской империи спустя сорок лет после ее создания была решена доселе невиданной силой. Силой этой стали кочевники монголы.

История нашествия монголов на Восточную Европу, нашедшего подробное отражение в письменных источниках и описанного в историографии XIX–XX вв., не нуждается в пространным изложении. Обзорные работы С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева, Бертольда Шпулера, Р. П. Храпачевского и т. д. отражают динамику монгольских завоеваний достаточно ясно³. В данной статье я предложил бы читателю развить тезис С. С. Аверинцева о трагических последствиях катастрофы 1204 г. и остановиться на малоизвестном эпизоде европейского похода монголов, который как бы теряется за гекатомбами трупов, усыпавших Русскую землю, Польшу и Венгрию в страшные годы Батыева нашествия. Этим эпизодом стало вооруженное столкновение между монголами, которых Батый (Бату хан) привел на Балканский полуостров, и созданной на руинах Византии Латинской империей. Результаты этого

¹ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы (Новый мир. 1988. № 7–8) // Развитие личности. 2018. № 1. С. 231.

² Wolfram von Eschenbach. Parzival / Nach der Ausgabe Karl Lachmanns revidiert und kommentiert von Eberhard Nellman. Übertragen von Dieter Kühn. 5 Aufl. Bd. II. Frankfurt am Main, 2017. Bd. I. S. 928. Bd. II. S. 720.

³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., 1997; Гумилев Л. Н. Русь и великая степь. М., 1989; Бертольд Ш. Золотая Орда. Монголы на Руси. М., 2017; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.

столкновения, несмотря на его малую известность, оказали, тем не менее, значительное влияние не только на международные отношения и церковную политику византийского мира, но и на всю Восточную Европу в 1240-е гг. и в более поздний период.

Прежде чем непосредственно перейти к проблематике настоящей статьи, необходимо выделить несколько основных этапов монгольского наступления на Запад, итогом которого стало появление нового фактора в международных отношениях XIII в. — фактора, обусловленного созданием на огромных пространствах евразийского континента Монгольской империи. В самом по себе факте создания империи Чингисхана и его наследников не было ничего уникального. Степные кочевники, постоянно воевавшие с Китаем, часто знакомились, благодаря китайцам, с передовыми военными технологиями, а затем создавали обширные степные империи и в предшествующие века. В качестве примера таких степных империй можно привести «шаньюянт» хунну под предводительством Модэ, «державу» гуннов Аттилы, государство Эфталитов Хингила I, Тюркский каганат Истеми Багадура, Аварский каганат во главе с Баяном, позднее же Хазарский каганат и киданьскую империю Ляо. Однако империя монголов отличалась от своих предшественниц уже одним тем, что монгольские ханы сумели не только завоевать, но на долгие десятилетия подчинить себе развитые земледельческие государства, обладавшие сильными армиями, мощными крепостями, многовековыми традициями военного искусства, сложными социально-экономическими отношениями и древней культурой. Монгольская армия Чингисхана была спаяна железной дисциплиной, стремительно атаковала, умело маневрировала, беспощадно подавляла любое сопротивление, оставляя после себя выжженную землю. При этом Чингисхан и его преемники сравнительно мягко обходились с добровольно покорившимися городами и странами, в результате чего в Монгольской империи мог найти свое место представитель практически любой культуры.

Причины фантастических военных успехов и побед монголов заключаются в более совершенной военной организации, которой обладала армия Чингисхана и его преемников. Помимо железной дисциплины, сопоставимой только с римской воинской дисциплиной времен Германика, помимо отработанного взаимодействия на поле боя тяжелой и легкой конницы, сравнимого с парфянской армией времен Сурены, монголы обладали совершенным для своего времени комплексом наступательного и оборонительного вооружения. Этот комплекс вооружения, включавший конский доспех, детально исследован в работах М. В. Горелика⁴. Как доказал М. В. Горелик, монголы Чингисхана унаследовали и обобщили тот боевой опыт, который был накоплен их предшественниками — киданями, создавшими в далеком X в. империю Ляо, и который, без сомнения, оказал определенное влияние на успех сельджукских завоеваний в XI столетии. Неслучайно монгольское оружие, монгольская паноплия, будет играть определяющую роль в развитии наступательного и оборонительного вооружения по всей Евразии вплоть до самого конца Средних веков. Развитие монгольского доспеха предопределило появление в Европе в середине XIII в. бригантины, а затем, к середине XIV в., — латного рыцарского доспеха. Благодаря монголам сабля окончательно превратилась в основной тип наступательного оружия как на Ближнем Востоке, так и в Восточной Европе.

К 1206 г. тумэны под предводительством Тэмуджина победили тайджиутов, татар, керейтов, меркитов и после кровопролитных войн объединили монгольские племена. На курултае, собравшемся в долине реки Онон весной 1206 г., — через два года после завоевания Константинополя участниками Четвертого Крестового похода, — каганом объединенных племен был избран Тэмуджин, принявший новое имя — Чингисхан. В 1211 г. началась кровавое покорение монголами чжурчжэньского государства Цзинь, которое растянулось на несколько лет и привело к завоеванию монголами Северного Китая. Уже в 1215 г. монголы захватили Яньцзин (Пекин).

⁴ Горелик М. В. Армии монголо-татар в X–XIV веках. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. С. 16–82.

Калка. Худ. П. В. Рыженко, 1996 г.

Когда в Константинополе правила латинская императрица Иоланта де Куртене (1217–1219), в Никее царствовал доблестный воин, василевс Феодор I Ласкарис (1208–1221/1222), во Владимире начал свое княжение злополучный великий князь Юрий Всеволодович (1212–1216; 1218–1238), в Германии, наконец, утвердился император Фридрих II Гогенштауфен (1212–1250), а участники Пятого крестового похода напрягли все силы, пытаясь взять Дамьетту и закрепиться в Египте, Чингисхан принял решение на данном этапе ограничиться на Востоке завоеванием Цзинь и начать наступление на Запад. К лету 1218 г. монголы Чингисхана разгромили Кучлука — могущественного хана найманов, правителя Кашгарии и Семиречья, который считал себя преемником киданьских гурханов Западного Ляо. И уже 26 августа 1218 г. произошел знаменитый Отрарский инцидент, связанный с убийством кипчакскими ханами, находившимися на службе у хорезмшаха Ала ад-дин Муххамата II (1200–1220), проезжавших через Отрар купцов, которые обладали охранными грамотами Чингисхана. Этот инцидент стал детонатором, который привел в действие военную машину Чингисхана, направленную теперь на завоевание процветающего Хорезма. Политическая нестабильность в Хорезме, противостояние военной элиты во главе с матерью хорезмшаха и верховной власти, деградация бюрократии и брожение среди мусульманского духовенства, ярко описанные В. В. Бартольд⁵, представляли собой в ту эпоху полную противоположность состоянию кочевой Монгольской империи, войска которой были спаяны железной дисциплиной и нацелены на активную внешнюю экспансию.

После успешного завоевания Хорезма авангард монгольской армии под командованием Субедея и Джебэ совершил поход в Закавказье и далее через Дербентские ворота в долину Терека и верховья Кубани. Здесь монголы нанесли удар по аланам — потомкам древних сарматских племен, господствовавших в степях Северного Причерноморья в первые века христианской эры. Аланы давно уже были христианами и на протяжении нескольких веков существовали в орбите византийского и грузинского культурно-политического влияния. После разгрома аланов Субедей и Джебэ атаковали половцев, которые кочевали в начале XIII в. в Донских степях. Половецкие ханы обратились за помощью к русским князьям преимущественно из южных княжеств — своим союзникам и нередко родственникам. В результате Субедей и Джебэ нанесли сокрушительное поражение русско-половецкой армии в битве на реке Калке, предположительно в Донском бассейне 31 мая 1223 г., а затем ушли к Волге.

⁵ Бартольд В. В. Соч. Т. 1: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 442–494; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 122–278.

На протяжении 1220-х гг. монголы занимались покорением тангутского государства Си Ся. Монголы взяли и полностью уничтожили столицу тангутов — город Хара-Хото, затем город Сучжоу, в результате чего последний правитель тангутов был схвачен и казнен. После смерти Чингисхана в 1227 г. монголы совершили поход в северную Индию и в 1235 г. завоевали Кашмир. В 1235 г. началась война между монголами и империей Сун, которая завершится к 1279 г. полным покорением Китая ханом Хубилаем (1260–1271), основателем монгольской династии Юань. Одновременно монгольские тумэны преследовали непокорного Джалал ад-дина — последнего хорезмшаха, который не смирился с завоевателями, а боролся против монголов, кочуя со своими ордами на широких пространствах от Индии до Грузии. Гибель Джалал ад-дина в 1231 г. и окончательный разгром его армии вынудили уцелевших хорезмийцев бежать на Запад, где они спустя десять лет столкнулись с крестоносцами. 23 августа 1244 г. хорезмийцы захватили и разграбили Иерусалим, а затем 17–18 октября 1244 г. наголову разбили войска Иерусалимского королевства в битве при Форбии. Одна из туркменских орд, бежавшая от монголов на Запад вместе с хорезмийцами под предводительством некоего Эторгула, поступила на службу сельджукам султанам Рума и получила пастбища на небольшой территории в Вифинии недалеко от границы между Румским султанатом и Никейской империей. Так зародился будущий османский бейлик.

История западного похода Батыея, в частности, история разорения монголами Руси неоднократно исследовалась специалистами и не рассматривается в рамках данной статьи⁶.

Отметим только, что после разгрома Руси отряд Байдара вторгся в Польшу и овладел Берестьем, ныне Брест-Литовск, развивая затем наступление на Сандомир и Варшаву. 13 февраля 1241 г. монголы разгромили польских рыцарей в битве под Турском. Через месяц, 21–22 марта, монголы захватили Краков. Затем войска Байдара разгромили объединенную армию польского князя-принцепса, чешских и немецких рыцарей в битве при Легнице 9 апреля 1241 г. Князь-принцепс Польши Генрих II Благочестивый погиб в бою. Байдар полностью разорил Польшу и Силезию, а затем ушел через Моравию на соединение с Батыеем.

Тем временем главные силы Батыея захватили Галич — столицу князя Даниила Романовича, а затем вторглись в Венгрию. Непосредственным поводом для вторжения Батыея в Венгрию послужило то, что венгерский король даровал убежище ордам половцев и аланов, спасавшихся от Батыея, на своей территории. На протяжении первой половины XIII в. половецкие ханы рассматривали территорию Венгрии как естественную сферу своего влияния и регулярно опустошали королевство дикими набегами. Эти набеги побудили еще венгерского короля Андрея (1205–1235), знаменитого участника Пятого крестового похода, заключить договор с Тевтонским орденом, который принимал обязательства защищать Венгрию от половцев, а в обмен приобретал от венгерского короля разрешение на строительство орденовских замков. Успехи ордена и начавшаяся немецкая колонизация Трансильвании были настолько впечатляющими, что в 1224 г. побудили Андрея, опасавшегося за свои владения, разорвать договор и изгнать тевтонских рыцарей. Подобное решение было в высшей степени опрометчивым. Спустя пятнадцать с лишним лет половцы и аланы вновь явились к венгерскому королю с просьбой о помощи и защите от монголов.

Не только Венгрия представляла собой территорию, куда устремились половцы и аланы в поисках спасения. Еще в 1240 г. монголы загнали остатки орды черных клобуков, союзников русских князей, в Крым, где поработили их. Как отмечает византийский историк Георгий Акрополит, в 1241 г. массы половцев переправились через Дунай и наводнили Болгарию, где правила родственная половецким ханам династия Асеней. Оттуда половцы направились во Фракию, где они поступили

⁶ Хрусталеv Д. Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 г. XIII в.). СПб., 2008. С. 55–220; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. С. 338–352; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997. С. 52–77; Альшиц Д. Н. Нашествие Батыея. М., 1939. С. 1–47.

на службу никейскому императору Иоанну III Дуке Ватацу (1221/1222–1254)⁷ и были затем частично переброшены в Малую Азию в долину реки Меандр и Пафлагонию для охраны восточной границы Никейской империи от сельджуков и от возможного нападения тех монголов, которые уже завоевали Закавказье⁸.

Батый начал вторжение в Венгрию в начале весны 1241 г. Армия венгерского короля Белы IV (1235–1270) и хорватского князя Каломана потерпела сокрушительное поражение от Батыя в битве при Шайо 11 апреля 1241 г. Батый рубил бегущих на протяжении шести дней и взял Пешт, развивая успех на плечах бегущего противника. Авангард Субедея находился уже в 20 километрах от Вены. Император Фридрих II Гогенштауфен стягивал войска и тевтонских рыцарей в Баварию, чтобы в случае необходимости контратаковать монголов уже на германской территории. Однако неожиданно Батый отказался от замысла углубляться в леса центральной Европы. Вместо этого монголы сосредоточили все силы в паннонской равнине и затем осуществили прорыв на юг, к побережью Адриатического моря, где захватили богатейшие далматинские города, зависевшие от венгерского короля. Затем Батый отступил через Сербию и Болгарию в Северное Причерноморье, узнав о смерти великого хана Угедэя (1229–1241) и о регентстве его вдовы – ханши Дорегене хатун (1242–1246). Так закончился восточно-европейский поход монголов. Результатом похода стало разорение и порабощение русских земель (кроме Пскова и Новгорода), опустошение Венгрии, Силезии, Моравии, Польши, Сербии и Болгарии.

Какое же значение имел восточно-европейский поход Батыя для византийского мира? Анналы цистерцианского аббатства «*Heiligen Kreuz*» в записи за 1242 г. содержат важное свидетельство о нападении монголов на территорию Латинской империи⁹. Как отмечает немецкий хронист, монголы и половцы вторглись в Грецию, разоряя все на своем пути. Навстречу им выступил император Балдуин II де Куртене (1228–1261), который будто бы одержал победу над монгольским авангардом в первом же сражении, но затем был разбит подошедшими главными силами Батыя и после этого был вынужден стать данником монгольского хана. Только полная капитуляция Балдуина спасла Константинополь от штурма и последующего разорения монголами¹⁰. Сообщение анонимной немецкой хроники подтверждает «Хронография» сирийского историка Григория Бар Гебрея, который опирается на устную традицию, а потому искажает факты и сообщает, что хан Батый намеревался атаковать Константинополь, но будто бы был разбит «королями франков». Факт разорения монголами владений Латинской империи упомянут также в поэме Иоанна де Гарландии под названием «О триумфах церкви», написанной около 1252 г.¹¹ Вероятно, разгром императора Балдуина II Батыем породил слухи о гибели латинского императора. Как отмечает в своей рифмованной хронике Филипп Муске, в 1242 г. при дворе блистательной Бланки Кастильской (1226–1236; 1248–1252) и Людовика IX Святого (1226–1270) получили сообщения из Греции о гибели императора Балдуина II, и уже в следующем году Жоффруа II де Виллардуэн, князь Ахайский, направил флот и войска в Константинополь, чтобы защищать от монголов жену Балдуина II – императрицу Марию де Бриенн, т. к. сам был женат на сестре Балдуина – Агнессе де Куртене¹².

Приведенные весьма скудные сообщения источников можно резюмировать и интерпретировать следующим образом. Примерно осенью 1242 г. тумэны

⁷ Georgii Acropolitae Opera / Hrsg. v. August Heisenberg. Leipzig: Teubner. 1903. Vol. I. P. 53–54.

⁸ Korobeinikov D. The Cumans in Paphlagonia // Karadeniz İncelemeleri Dergisi. 2015. Vol. 18. P. 29–44; Шукуров P. M. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 141–142.

⁹ Continuatio Sancrucensis II, in MGH IX, Hrsg. v. Willhelm Wattenbach, Hannover, 1851. P. 641,

¹⁰ Richard Jean. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: L'Empire Latin de Constantinople et les mongoles // Journal des savants. 1. 1992. P. 115–121,

¹¹ *Johannis de Garlandia. De triumphis ecclesiae* / Ed. Thomas Wright. London: Nichols, 1856. P. 116–117.

¹² Giebfried John. The Mongol invasions and the Aegean world (1241–1261) // Mediterranean Historical Review. 2013. Vol. 28. 2. P. 129–139.

под командованием Кадана вторглись во Фракию после того, как они подвергли полному разгрому Далматинское побережье и Сербию. Разорение Боснии и Рашки тумэнами Кадана описано Фомой Сплитским и Роджером ди Торре Маджоре — венгерским епископом итальянского происхождения. Это разорение произошло весной-летом 1242 г., после чего монголы вторглись в Болгарию¹³. В этот период император Балдуин II де Куртене (1228–1261) имел сильную армию из 700 рыцарей и до 30 тысяч легковооруженных солдат, которые прибыли с ним в 1239 г. из Нижней Лотарингии (из Брабанта и Намюра) в Константинополь после провала болгаро-никейской осады Константинополя в 1235/36 г. В 1241 г. Балдуин II с помощью венецианского флота смог снова нанести поражение никейскому императору Иоанну III Дуке Ватацу¹⁴.

Возможно, первым боем крестоносцев под предводительством императора Балдуина II против монголов, о котором говорит анонимный немецкий хронист, была стычка между рыцарями Балдуина II из Нижней Лотарингии и тумэнами Кадана, которые наступали на Константинополь примерно с северо-западного направления, из Македонии, по старинной римской дороге Via Egnatia. Именно навстречу Кадану и выступил император Балдуин II во главе крупного франкского рыцарского отряда, к которому примкнули половцы, бежавшие от монголов в Болгарию. Где-то в окрестностях Адрианополя, возможно, в долине реки Гебр (Марица), Балдуин II одержал победу над Каданом благодаря ударной мощи рыцарской конницы, однако очень быстро с севера из разоренной Болгарии к Константинополю подошли главные силы монголов во главе с самим Батыем. По свидетельству Феодора Грамматика, нашествие монголов на Болгарию произошло в 6751 г. от сотворения мира, т. е. между 1 сентября 1242 и 31 августа 1243 г. Исходя из этих хронологических рамок, можно датировать поход Батыя на Константинополь периодом осени-зимы 1242 г.¹⁵ Объединившись с отрядом Кадана, Батый наголову разбил Балдуина II, который, скорее всего, попал в плен. Именно с этим были связаны слухи о гибели латинского императора, циркулировавшие при французском дворе и достигшие Ахайского княжества. В апреле 1243 г., согласно хронике Филиппа Муске, император Балдуин II уже вернулся в Константинополь, видимо, заключив с Батыем наиболее кабальный мирный договор из числа возможных. Целью этого договора было спасение Константинополя, который уже пережил осаду войск никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца и болгар в 1235/36 г., от монголов. Однако цена спасения была необычайно велика. Я предполагаю, что Балдуин стал данником монголов. Неслучайно, что уже в 1245 г. папа Иннокентий IV (Синибальдо ди Фиески) (1243–1254) отправил своего посланника францисканца Джованни Плано Карпини из Перуджи к великому хану (каану) Гуюку (1246–1248); Карпини в 1245–1247 гг. посетил ставку Гуюка и оставил знаменитый отчет о своем путешествии.

Константинополь был в это время почти окружен никейцами, с 1220-х гг. владевшими Вифинией и расширявшими свои владения во Фракии. По этой причине в 1247 г. в ставку Байджу-нойона — наместника великого хана Гуюка в северном Иране, Малой Азии и Закавказье, было отправлено посольство папы Иннокентия IV во главе с монахом Асцелином из Кремоны. Ставка Байджу располагалась в Сисиане в районе Нахичевана. Переговоры продолжались с 24 мая по 25 июля 1247 г. Предметом переговоров было заключение союза между папой и монголами, направленного против Никейской империи. Погостив у Байджу, папские послы не поехали в ставку Батыя, которому Байджу непосредственно подчинялся, и возвратились в Италию. Почему же посольство не достигло цели? Возможно, это было

¹³ *Sophoulis Panos*. The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242 // *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. 2. P. 251–77.

¹⁴ *Richard Jean*. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: L'Empire Latin de Constantinople et les mongoles // *Journal des savants*. 1992. 1. P. 115–121.

¹⁵ *Madgearu Alexandru*. The Asanids: The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden, 2016. P. 228–235.

связано с тем, что Байджу имел инструкции от Батыея, который в это время был заинтересован в сохранении Никейской империи как рычага давления на своего данника — латинского императора Балдуина II.

Как отмечает участник посольства — Симон из Сен-Кантена, в следующем 1248 г. к папе Иннокентию IV было отправлено ответное монгольское посольство, которое привезло две грамоты: от Батыея и от Байджу. Послы находились при папском дворе в Лионе до 22 ноября 1248 г. В декабре 1248 г. король Франции Людовик IX Святой (1226–1270), находившийся на Кипре перед вторжением в Эйюбидский Египет, принял посольство от Эльджигидея нойона — преемника Байджу¹⁶. В латинском переводе послания Эльджигидея (Ms. Lat. Nr. 3768) говорилось о том, что сам великий хан Гуюк принял христианство, повинувшись советам своей матери — дочери легендарного пресвитера Иоанна, о котором считали своим долгом писать все крупные западно-европейские писатели эпохи крестовых походов от Оттона Фрейзингенского и Вольфрама фон Эшенбаха до Жака де Витри и Жана де Жуанвиля. Старофранцузский перевод послания Эльджигидея был отправлен Людовиком во Францию своей матери — блистательной королеве Бланке Кастильской (1226–1236; 1248–1252), которая, в свою очередь, переслала документ королю Англии Генриху III (1216–1272). Людовик отправил посольство к великому хану Гуюку во главе с доминиканцем Андре де Лонжюмо 16 февраля 1249 г., которое, впрочем, не добилось никаких успехов в связи со смертью Гуюка. В апреле 1251 г. посольство возвратилось ко двору Людовика Святого в Кесарию Палестинскую в сопровождении посланников от Огул Гаймыш хатун — вдовы Гуюка и регентши Монгольской империи в 1248–1251 гг. Новая правительница потребовала у Людовика дани и угрожала королю Франции, из-за чего, по словам рыцаря Жана де Жуанвиля, Людовик раскаялся в том, что начал дипломатические взаимоотношения с монголами¹⁷.

Папские послы в ходе переговоров с монголами проявляли заинтересованность в походе на Никею, но выдвигали в качестве условия крещение монгольского хана по латинскому обряду. Не удивительно, что после предъявления великому хану подобных условий идея похода на Никею каждый раз повисала в воздухе. К попыткам использования монголов в качестве тарана для сокрушения Никейской империи папа Иннокентий IV и император Балдуин II де Куртене, тяготившийся зависимостью от Батыея, возвращались неоднократно. Во второй половине 1240-х гг. французский рыцарь Балдуин де Эно — посол императора Балдуина II, женившийся на кипчакской (половецкой) княжне, посетил ставку Батыея и пытался вместе с папскими послами добиться от Батыея согласия на организацию крестового похода против Никейской империи. Как полагал П. И. Жаворонков, Плано Карпини и Балдуин де Эно получали инструкции с целью использовать союз с Батыеем для подчинения Православной Церкви римскому папе¹⁸. По свидетельству Гийома де Рубрука, Балдуин де Эно на рубеже 1240–1250-х гг. даже совершил посольство в Каракорум в ставку великого хана, действуя от имени императора Балдуина II¹⁹. Впрочем, Балдуин де Эно как посол латинского императора, находившегося, по-видимому, в даннической зависимости от Батыея, вероятно, не обладал в Монголии большим авторитетом, что усугублялось враждой между партией Батыея и партией Гуюка, которая чуть было ни привела к гражданской войне между Чингизидами. Особый акцент в отчетах западно-европейских послов, направленных ко двору монгольских ханов, в частности, в отчете Плано Карпини, делался на общем благоприятном отношении к христианству самого Батыея, ставка

¹⁶ Митрофанов А. Ю. Людовик IX и Хетум I: Неудавшийся церковно-политический альянс // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Межвуз. сб. / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2008. Вып. 7. С. 68–83.

¹⁷ Jean de Joinville. Vie de Saint Louis / Ed. par J. Monfrin. Paris, 1995. P. 242–243.

¹⁸ Жаворонков П. И. Никейская империя и княжества Древней Руси // Византийский временник. М., 1982. Т. 43. С. 81–90.

¹⁹ Майоров А. В. Монгольская угроза и экуменические процессы середины XIII века // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 80–94.

которого была окружена несторианскими священниками²⁰. Но и противник Батыя Гюк также оказывал христианам всемерное покровительство²¹. Папские послы распространяли слухи о том, что Гюк якобы даже принял крещение в Каракоруме, что в перспективе делало франко-монгольский союз весьма реальным. Проблема заключалась лишь в том, что Батый как победитель Балдуина II не собирался воевать против никейского императора, а великий хан Гюк скоропостижно скончался в разгар подготовки военного похода против Батыя.

По мнению Джона Гибфрида, монгольское вторжение на Балканы, нападение Батыя на Болгарию и Латинскую империю в 1242 г., а затем победа монголов над сельджуками и их союзниками: грузинами и трапезундскими ромеями в битве при Кесе-Даге (26 июня или 1 июля 1243 г.)²² повлекли за собой крах союза, который был заключен между латинским императором Балдуином II де Куртене, болгарским царем Иоанном II Асеном (1218–1241) и сельджукским султаном Гийас-ад Динем Кей-Хосровом II (1236–1246) против Никейской империи. В то же время Джон Гибфрид отрицает зависимость императора Балдуина от монголов, что совершенно нелогично, ибо подобная зависимость должна была стать естественным следствием военного поражения Балдуина и его пленения монголами. Следствием разгрома войск Балдуина II Батыем с объективной точки зрения были укрепление Никейской империи и последующие успехи императора Иоанна III Дуки Ватаца на Балканах, которые обеспечили византийскую реконквисту и подготовили освобождение Константинополя при его преемниках в 1261 г.²³ На мой взгляд, подобный вывод грешит определенным упрощением, поскольку известно, что в последующие два десятилетия отношения Никейской империи и монголов скорее носили характер вооруженного нейтралитета, нежели чем представляли собой реальный союз. Объективное военное усиление Никейской империи, ставшее следствием монгольского нашествия на Балканы, сочеталось в политике Иоанна III Дуки Ватаца с традиционной для византийцев искусной дипломатией, которая не допустила заключение папско-монгольского союза. Возможно, определенную роль в успехе этой дипломатии сыграл договор императора Иоанна III Дуки Ватаца с германским императором Фридрихом II и отправка никейской армии в Италию, но, вероятно, еще более важную роль в предотвращении антиникейского союза папы и монголов впоследствии сыграли дипломатические усилия князя Александра Невского (1252–1263) в ставке Батыя²⁴.

Святой Иоанн Ватац
Милостивый — никейский император
(1221–1254) Иоанн III Дука Ватац

²⁰ Бартольд В. В. Мусульманские известия о Чингизидах-христианах // *Его же*. Соч. Т. 2. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 263–264; *Его же*. К вопросу о Чингизидах-христианах // Там же. С. 417–418.

²¹ Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 484–502.

²² Shukurov Rustam. Trebizond and the Seljuks (1204–1299) // *Mesogaios*. 2005. 25–26. P. 71–136.

²³ Giebfried John. The Mongol invasions and the Aegean world (1241–1261) // *Mediterranean Historical Review*. 2013. Vol. 28. 2. P. 129–139.

²⁴ Майоров А. В. Монгольская угроза и экуменические процессы середины XIII века. С. 80–94.

Свв. мчч. Давид Великий Комнин,
последний император
Трапезундской империи в 1459–1461 гг.,
с сыновьями и племянником

Но, как известно, Никейская и Латинская империи были далеко не единственными претендентами на византийское наследство. Борьба за власть сторонников династии Комнинов, начавшаяся в Византии вскоре после свержения императора Андроника I Комнина (1183–1185) и порожденная этой борьбой идеология во многом предопределили характер политических процессов, происходивших в Византийской империи накануне Четвертого крестового похода. Узурпатор Исаак II Ангел (1185–1195) чувствовал себя «полноправным членом царского Комниновского рода»²⁵. Как рассказывает Никита Хониат, новый узурпатор Алексей III Ангел (1195–1203), свергнувший и приказавший ослепить собственного брата Исаака II (1185–1195), провозгласил себя императором Алексеем Комнином, дабы укрепить свои политические позиции указанием на свое происхождение по женской линии от великого императора Алексея I (1081–1118)²⁶. Впрочем, этот политический маневр не уберег империю от других претендентов на комниновское наследство, как подлинных, так и мнимых²⁷. По справедливому замечанию Р. М. Шукурова, с одной стороны, борьба под знаменем комниновской реставрации способствовала новому расцвету византийского самозванчества:

в правление Ангелов появилась целая плеяда самозванцев Лже-Алексеев, выдававших себя за удушенного тетивой молодого императора Алексея II Комнина (1180–1183)²⁸, — с другой стороны, эта борьба привела к конечной победе комниновской реставрации на территориях Понта и Пафлагонии, которую в 1204 г. одержали внуки Андроника I: Алексей и Давид Великие Комнины²⁹.

Алексей и Давид первоначально рассчитывали на реставрацию династии на всей византийской территории и вынуждены были отказаться от амбициозных планов повторения похода их деда на Константинополь (в 1182 г.) только после поражения, понесенного в 1205 г. от никейского императора Феодора I Ласкариса (1208–1221/1222). Алексей и Давид не смогли восстановить Византийскую империю под властью старой династии, но они с помощью своей тетки, грузинской царицы Тамары (1184–1209/1213), сумели создать на захваченных территориях Понта, Пафлагонии и южного Крыма Трапезундскую империю, которая, несмотря на довольно быструю потерю Синопа и Пафлагонии (уже в 1214 г.), на протяжении длительного времени, как минимум до второй половины XIII в., с успехом претендовала на то, чтобы стать

²⁵ Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 64.

²⁶ Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. (CFHB. Vol. 11). Berlin; New York, 1975. Bd. I. S. 459.

²⁷ Shukurov Rustam. AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // Byzantine and Modern Greek Studies. 1995. 19. P. 161–181.

²⁸ Lilie R.-J. Des Kaisers Macht und Ohnmacht. Zum Zerfall der Zentralgewalt in Byzanz vor dem vierten Kreuzzug // Varia. I. Beiträge von Ralph-Johannes Lilie und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά* 4. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1984. S. 9–120.

²⁹ Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461)... С. 62–115.

тем центром, вокруг которого будут объединяться бывшие византийские владения³⁰. В 1225–1228 гг. император Андроник I Гид Великий Комнин (1222–1235) атаковал сельджуков в ответ на крымский поход кастамонского эмира Хусамеддина Чобана³¹ (в 1220/1222 гг.) и на несколько лет завоевал Синоп, правда, удержать его ромеи тогда не смогли. Двадцать лет спустя император Мануил I Великий Комнин (1238–1263) после поражения от монголов в битве при Кесе-Даге (26 июня/1 июля 1243 г.) признал себя вассалом регентши Монгольской империи Дорегене-хатун (1242–1246), а в 1246 г. совершил путешествие в Монголию и посетил ставку вновь избранного великого хана (каана) Гуюка (1246–1248), получив, по мнению Р. М. Шукурова, ярлык на управление Трапезундом и Синопом. Вследствие этого обстоятельства в июне 1254 г. Мануил вновь отбил Синоп у сельджуков, опираясь теперь на поддержку монголов. Очевидно, что в этот период Мануил предпочитал в большей степени укреплять отношения непосредственно с Гуюком, а затем с его преемником Мункэ (1251–1259), чем с Батьем (Бату), ханом Золотой Орды (1227–1255/1256), владения которого с формальной точки зрения включали в себя Закавказье и Восточную Анатолию и находились под непосредственным контролем Байджу нойона (между 1247 и 1251 гг. под управлением ставленника Гуюка — Эльджигидея). Борьба за власть у монголов и связанный с этой борьбой конфликт Гуюка и Батыя позволяли Мануилу искусно лавировать между двумя фракциями в Каракоруме. Но завоевание монголами Ирана в ходе опустошительного похода Хулагу (1256–1260 гг.) привело к образованию монгольского государства Ильханов и радикально изменило расстановку сил в Восточной Анатолии. По мнению специалистов, Мануил был вынужден переориентироваться и теперь выстраивал отношения с Хулагу (1256–1265), который в 1257 г. уже заключил договор с никейским императором Феодором II (1254–1258), несмотря на участие беглого никейского подданного — Михаила Палеолога — в битве при Султан-хане против Байджу нойона в октябре 1256 г. под ромейскими императорскими знаменами³². В последующие годы смертельная вражда между монгольскими ильханами Ирана и ханами Золотой Орды привела к тому, что преемники Мануила: Андроник II Великий Комнин (1263–1266) и Георгий Великий Комнин (1266–1280) были вынуждены выбирать между этими полюсами власти и, вероятно, склонялись к союзу с Золотой Ордой, в то время как никейский узурпатор Михаил VIII Палеолог, в 1261 г. отбивший Константинополь у франков, а затем свергнувший и ослепивший юного Иоанна IV Ласкариса (1258–1261), сделал ставку на союз с ильханами.

В заключение остается добавить, что исследование отношений государств, возникших после 1204 г. на развалинах Византийской империи, с монголами позволяет сделать вывод о том, что, как это уже неоднократно случалось в византийской истории, фактор кочевников в конечном счете предопределил перелом в борьбе за Константинополь в пользу ромеев. В определенном смысле победа Батыя над Балдуином II в 1242 г. предоставила никейскому императору Иоанну III Дуке Ватацу исторический шанс, который не раз выпадал его предшественникам на византийском престоле. Так, в частности, в 627 г. союз императора Ираклия (610–641) с Западно-Тюркским каганатом обеспечил победу ромеев над самозванцем Лже-Феодосием и персидским шахом Хосровом II Парвизом (591–628) в длительном военном противостоянии, названном Л. Н. Гумилевым «Мировой войной VII века»³³. В 705 г. император Юстиниан II Ринотмет (685–695;

³⁰ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 43–123.

³¹ Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII века (Черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. М., 1927. Т. 25. С. 53–76.

³² Georgii Acropolitae Opera / Hrsg. v. August Heisenberg. Leipzig: Teubner. 1903. Vol. I. P. 136–138; Коробейников Д. А. Михаил Палеолог в Румском султанате // Византийский временник. М., 2005. Т. 64. (89). С. 82–83.

³³ Митрофанов А. Ю. Самозванец Лже-Феодосий и император Ираклий: к проблеме генезиса византийского самозванчества // Русско-Византийский вестник. 2022. № 1 (8). С. 74–88.

705–711) захватил Константинополь и вернул себе престол при помощи дружины болгарского хана Тервела (700–721). В 717 г. император Лев III Исавр (717–741) разбил арабов под стенами Константинополя также при поддержке Тервела. В 823 г. император Михаил II Травл (820–829) нанес поражение войскам самозванца Фомы Славянина с помощью болгарского хана Омуртага (814–831). В распоряжении исследователей нет никаких документов, которые бы свидетельствовали о наличии тайного договора между Батыем и Иоанном III Дукой Ватацем в 1242 г., однако потенциальную возможность каких-либо контактов между монголами и никейским двором в этот период, например, через посредничество половецких ханов, полностью исключить нельзя. Если подобные контакты имели место, в таком случае никейская дипломатия вступила в переговоры с монголами раньше, чем это сделал Мануил I Великий Комнин. Возможно, в этом заключается одна из причин конечной победы Никейской империи в борьбе за комниновское наследство. С этой точки зрения очевидно, что двор никейских императоров унаследовал дух универсализма и дипломатические возможности, характеризующие классическую византийскую дипломатию периода македонского возрождения, описанную С. С. Аверинцевым, когда Константинополь оставался «блистательным культурным центром во всем христианском мире».

Источники и литература

Источники

1. *Continuatio Sancrucensis II*, in MGH IX, Hrsg. v. Willhelm Wattenbach, Hannover, 1851.
2. *Georgii Acropolitae Opera* / Hrsg. v. August Heisenberg. Leipzig: Teubner. 1903. Vol. I.
3. *Jean de Joinville. Vie de Saint Louis* / Ed. par J. Monfrin. Paris, 1995.
4. *Johannis de Garlandia. De triumphis ecclesiae* / ed. Thomas Wright. London: Nichols, 1856.
5. *Nicetae Choniatae Historia* / Hrsg. von J. L. Dieten. (CFHB. Vol. 11). Berlin; New York, 1975. Bd. I.
6. *Wolfram von Eschenbach. Parzival* / Nach der Ausgabe Karl Lachmanns revidiert und kommentiert von Eberhard Nellman. Übertragen von Dieter Kühn. 5 Aufl. Bd. II. Frankfurt am Main, 2017. Bd. I. Bd. II.

Литература

7. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы (Новый мир. 1988. № 7–8) // Развитие личности. 2018. № 1. С. 225–246.
8. *Альшиц Д. Н.* Нашествие Батыя. М.: Воениздат, 1939.
9. *Бартольд В. В.* К вопросу о Чингизидах-христианах // *Бартольд В. В.* Соч. Т. 2. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 417–418.
10. *Бартольд В. В.* Мусульманские известия о Чингизидах-христианах // *Бартольд В. В.* Соч. Т. 2. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 263–264.
11. *Бартольд В. В.* Соч. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.
12. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М.: Аграф; Тверь: Леан, 1997.
13. *Горелик М. В.* Армии монголо-татар в X–XIV веках. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
14. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Эксмо, 2006.
15. *Гумилев Л. Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 484–502.
16. *Жаворонков П. И.* Никейская империя и княжества Древней Руси // *Византийский временник*. М., 1982. Т. 43. С. 81–90.
17. *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1981.

18. *Коробейников Д. А.* Михаил Палеолог в Румском султанате // Византийский временник. М., 2005. Т. 64. (89). С. 82–83.
19. *Майоров А. В.* Монгольская угроза и экуменические процессы середины XIII века // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 80–94.
20. *Митрофанов А. Ю.* Людовик IX и Хетум I: Неудавшийся церковно-политический альянс // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Межвуз. сб. / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2008. Вып. 7. С. 68–83.
21. *Митрофанов А. Ю.* Самозванец Лже-Феодосий и император Иракий: к проблеме генезиса византийского самозванчества // Русско-Византийский вестник. 2022. № 1 (8). С. 74–88.
22. *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М.: Люкс, 2005.
23. *Хрусталева Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига» (30–40 г. XIII в.). СПб.: Евразия, 2008.
24. *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. М., 2017.
25. *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб: Алетея, 2001.
26. *Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Изд-во МГУ, 2017.
27. *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII века (Черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. М., 1927. Т. 25. С. 53–76.
28. *Giebfried J.* The Mongol invasions and the Aegean world (1241–1261) // Mediterranean Historical Review. 2013. Vol. 28. 2. P. 129–139.
29. *Korobeinikov D.* The Cumans in Paphlagonia // Karadeniz İncelemeleri Dergisi. 2015. Vol. 18. P. 29–44.
30. *Lilie R.-J.* Des Kaisers Macht und Ohnmacht. Zum Zerfall der Zentralgewalt in Byzanz vor dem vierten Kreuzzug // Varia. I. Beiträge von Ralph-Johannes Lilie und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά* 4. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1984. S. 9–120.
31. *Madgearu A.* The Asanids: The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden, 2016.
32. *Richard J.* À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: L'Empire Latin de Constantinople et les mongoles // Journal des savants. 1. 1992. P. 115–121.
33. *Shukurov R.* AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // Byzantine and Modern Greek Studies. 1995. 19 (1). P. 161–181.
34. *Shukurov R.* Trebizond and the Seljuks (1204–1299) // Mesogeios. 2005. 25–26. P. 71–136.
35. *Sophoulis Panos,* The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242 // Fragmenta Hellenoslavica. 2015. 2. P. 251–277.